

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.511.131.09(045)

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В УДМУРТСКОМ РАССКАЗЕ 1920–1930-Х ГГ. (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА МАТВЕЯ КЕЛЬДОВА)

© С.Т.Арекеева

В статье рассматриваются особенности художественного отражения национальной действительности в неисследованных рассказах Матвея Кельдова. Факт неприятия его произведений современниками объясняется особыми взглядами писателя на сущность эпохи и поведение человека, идущими вразрез с нормативными стереотипами времени.

Ключевые слова: удмуртская проза 1920-1930-х гг., рассказ, художественная проблематика, жанр, герой, конфликт, национальный мир.

Динамичное развитие молодой удмуртской литературы в послереволюционный период связано с творчеством таких ярких авторов, как Кузубай Герд (1898–1937), Кедр Митрей (1892–1949), К.Яковлев (1890–1937), М.Тимашев (1903–1937), Г.Медведев (1904–1938), М.Коновалов (1905–1938) и др. Особое место в этом ряду занимает самобытное творчество Матвея Матвеевича Кельдиярова (1900–1930), публиковавшегося под псевдонимами Матвей Кельдов или Кельд Чужайнен. К сожалению, жизненная и творческая биография этой неординарной личности остается не известной не только широкому кругу читателей, но и специалистам–филологам.

Родился М.Кельдов в 1900 г. в д. Новая Жикья Нылгинской волости, ныне Увинского района Удмуртской Республики. В середине 1920-х годов работал в одной из первых национальных газет «Гудыри» («Гром»), которая имела важное значение в становлении и развитии удмуртской литературы. Особая страница в биографии М.Кельдова – «Платформа шести», представляющая собой группу национальных писателей, выступивших в 1929 году с критикой в адрес руководства ВУАРП (Всеудмуртская ассоциация революционных писателей). В 1930 г. «Платформа шести» в открытом письме, опубликованном в газете «Гром», обвинила организацию писателей в корысти и лицемерии: «ВУАРП надо очистить. Туда протиснулись те, кто пользуется своим служебным положением, те, кто на литературу смотрит сквозь пальцы»¹[1]. В результате авторы письма были подвергнуты идеологическим гонениям. Развернувшаяся кампания против «инакомыслящих» в некоторой степени при-

близила наступление смерти М.Кельдова, который скоропостижно скончался в 30-летнем возрасте. «ВУАРП своего сына погубила своими руками», – так откликнулся на смерть писателя известный удмуртский поэт Кузубай Герда, чьи письма были опубликованы в годы перестройки. «Он скончался, не найдя себя в эпохе. Ветер революции мощный. А он не был целиком с этим ветром. Поэтому он рано сломался». Стремясь определить масштаб потери, автор письма указывает: «Звезда погасла, бледное удмуртское небо стало еще бледнее, звезд осталось меньше» [2: 211].

С целью выявления причин разногласий писателя с «ветром революции» и определения специфики отражения национальной действительности нами был проведен анализ проблематики и структуры рассказов «Валаз» («Понял», 1926) и «Христосез вузась» («Христопродавец», 1929). С этих позиций интерес представляет концепция героя и характер конфликта в рассказах.

Одной из ключевых тем в миниатюре «Валаз» («Понял») становится проблема «человек – природа». М.Кельдов размышляет о взаимосвязи времен и преемственности поколений. Рассказ–эпюд начинается с авторского описания природной идиллии, резко переходящего в повествование о драматичной судьбе леса. Благодаря несобственно–прямой речи лес предстает как живое, чувствующее, страдающее существо: «Обо всем увиденном, пережитом рассказывает он (лес – С.А.) невероятно жутким голосом, качая головой» [3]. Лес «вспоминает» о том, как его «про странства» вначале были заняты чудью, затем – удмуртами, марийцами, русскими, татарами. Народы беспощадно сражались и бились друг с другом за территории, но против леса они воева-

¹ Здесь и далее подстрочный перевод наш – С.А.

ли сообща, вместе безжалостно вырубали деревья, расчищали места под пашни, сжигали траву: «Борясь с раскинувшимся на тысячи верст лесом, люди шаг за шагом отнимали землю прямо из-под его корней» [3].

Кельдовский лес не просто рассказывает о выпавших на его долю страданиях, а поет-плачет. Одушевленный характер природы и песня как форма самовыражения героя отражают мышление самого автора в рамках народной культуры.

В рассказе «Понял» образ леса придает философскую глубину достаточно широко распространенному в удмуртской литературе тех лет конфликту между революционно-новым и консервативно-старым. Защитником леса и традиционных национальных ценностей выступает восьмидесятилетний старик Баби. Автор дает читателю возможность условно представить себе обобщенный образ, соединяющий в себе старика и лес («старик-лес», «лес-старик»). Баби – романтический персонаж, идеализирующий прошлое удмуртов и вместе с тем не принимающий правила и ориентиры нового мира: «Баби помнил прошлый век удмуртской земли: ее большие леса со множеством зверей, упирающиеся в облака сосны с пчелиными бортами, толстые липы с жужжащими пчелами, быстрых оленей, лосей, реки и озера, полные рыб» [3]. Здесь явно слышен отзвук удмуртских легенд о былой гармонии и утерянном счастье человека.

Баби – воплощение эпического состояния национального мира, устойчивого миропорядка, а его внук, который «мечтал и представлял себе изрезанный железными дорогами лесной и полевой край, летающую машину, горящие электрические огни, заводы с дымящими трубами...» [3], – весь в будущем. В рассказе вырисовывается мастерски выстроенная оппозиция, исключаящая преемственность, которая характерна для традиционного народного мироощущения: старый/юный, прошлое/будущее, естественный, природный мир / технизированный, «рукотворный» мир. Лодка, в которой плывут дед с внуком, – метафора, ассоциируемая с лодкой жизни. Автор указывает на то, что в отношениях молодого человека и старика нет открытого противостояния, противоборства, конфликта, а есть жизненно необходимое сосуществование людей, один из которых сожалеет о прошлом, другой – распахнут навстречу будущему. Героев объединяет общая эпоха безвременья.

Эпический принцип построения финала рассказа придает всему тексту произведения особую масштабность и суровое величие: «... а лодка тихо скользила по поверхности воды, в ней мол-

ча, задумчиво плыли молодой человек и старик» [3]. Молчание героев «наделено» своеобразным знаком поиска истины, смысла жизни, но какова эта истина, абсолютна ли она по сути, – писатель не говорит. Автор не обнажает своей приверженности какой-либо из позиций. Конечно, в произведении доминирует пантеистическое сознание родового человека, несущего в своей памяти мифологическое прошлое как гармоничный идеал. Но очевидно и то, что будущее – за внуком, мечтающим о новом мире, за внуком, который уже своей явленностью свидетельствует о необратимой поступи времени. Воззрения М.Кельдова созвучны русскому писателю Б.Пильняку, считавшему, «что право на существование в мире имеют и машины, и волки, и природа, и цивилизация» [4: 271]. Рассказ М.Кельдова «Понял», стоящий вне стандартных схем тех лет, во многом предвосхитил приемы создания рассказа-настроения удмуртскими писателями – «шестидесятниками».

Другой рассказ М.Кельдова – «Христопродавец» – ведется от имени героя-повествователя, ставшего свидетелем и участником истории, случившейся на железнодорожной станции. Молодой путешественник, принадлежащий писательской среде, является представителем интеллигенции. Герой с сочувствием наблюдает за действиями грузчика, который выглядит «чужаком» среди рабочих, грузящих металлолом в вагон. Он привлекает к себе внимание своим нелепым видом и физической беспомощностью: «Среди них был высокий старик с длинной бородой, он пытался один поднять большую бочку» [5]. Оказалось, что это поп, которого отправили на «перевоспитание» в среду пролетариата. Рабочие предложили «канцеляру», случайно оказавшемуся на станции, поднять тяжелую трубу, зло высмеяли за то, что тот не справился с делом. Стремясь найти с ними взаимопонимание, герой произносит: «Я такой же человек, как и вы» [5]. В противовес классовой розни, имевшей место в идеологии того периода, автор отстаивает идею всечеловеческого единства и братства.

В рассказе «Христопродавец» М.Кельдовым представлен абсолютно новый для удмуртской литературы образ героя. Это поп, который «выламывается» из своей среды не по своей воле и пытается стать «своим» в среде рабочих. Однако эта попытка оказывается безуспешной: слишком велико отчуждение между бывшим священнослужителем и рабочими. Отец Василий предстает искренним и очень добрым человеком, истосковавшимся по общению. Герой-повествователь с симпатией описывает внешний облик попа и его мягкий, неагрессивный характер, соответст-

вующий сану. В рассказе психологически тонко обрисовано явное тяготение батюшки к герою-повествователю, в котором он увидел близкую, родственную ему душу.

Писатель изображает своего героя на фоне и в контексте эпохи, когда поиск себя в массе приобрел судьбоносность, когда было важно, затерявшись, стать своим или, наоборот, став своим, затеряться. «Я стану равноправным членом их семьи. Труд объединяет людей», – бодрится «бывший» поп. Но вместе с тем, истинное состояние героя отражают его неоднократно повторяющиеся признания: «Тяжело, что говорить, тяжело» [5]. Попа сторонятся и рабочие, и богатые крестьяне, и, что особенно существенно, служители церкви, поскольку считают его продавшимся новой власти: «Сволочь! Христа за червонец продал. Иуда! Предатель!» [5].

В голосе исповедующегося попа чувствуется грусть и сожаление о былом времени. Возникающий в контексте рассказа образ истории, перемалывающей судьбы людей, придает рассказу трагическое звучание: «История не знает жалости, кто этого не понимает, того, перемолов под тяжелыми жерновами, превращает в навоз для нарождающегося будущего» [5]. Удмуртская критика тех лет не поняла и не приняла рассказ М.Кельдова «Христопродавец». Так некий автор статьи, подписавшийся Исьпан-пи, окрестил этот рассказ «правоуклонистским» [6]. Нападки критиков объясняются тем, что в рассказе Кельдова рабочие – хулиганы и воры, грубияны и аморальные люди, а поп показан кротким, незлобивым, интеллигентным человеком.

М.Кельдов – один из первых удмуртских писателей, попытавшийся изобразить драматичную судьбу представителей уходящего мира. В этом же ряду стоит рассказ «Бегентыло», который также был «разгромлен» критикой. Так, Интерн (Т.Иванов) увидел в этом рассказе воплощение враждебной «бегентыловщины», «программы по преобразованию сельского хозяйства в фермерское», которая обернется «возрождением капитализма». Автор разгромной статьи обвинил М.Кельдова в том, что он агитирует за «союз кулаков с середняками». Главный герой рассказа, по мнению критика, – «глубоко пустивший корни в землю столыпинский культурный кулак» [7].

Кроме нетипичных образов попа, кулака и др., М.Кельдов ввел в удмуртскую литературу образ повествователя-интеллигента, пытающегося разобраться в сложных жизненных процессах. Писатель дает своим героям возможность открыться изнутри. Поэтому они, будучи носи-

телями слова, являются не только объектами, но и субъектами повествования, субъектами высказывания. Следует также отметить, что М.Кельдов одним из первых в удмуртской прозе использовал прием субъективированного повествования.

Рассказам М.Кельдова свойственна редко встречающаяся в удмуртской новеллистике тех лет недосказанность, за которой скрывается признание сложной, неоднозначной сущности человека и окружающего его мира. Именно это роднит М.Кельдова с другим удмуртским автором – Кузебаем Гердом, репрессированным сталинским режимом. Герд призывал удмуртских писателей «вскрывать полутени, полужуки, порой трудноуловимые шорохи и полужумы современной жизни...» [8: 327]. Оба талантливых классика были единомышленны в том, что «резкие контрасты, резкие звуки – это лишь наиболее яркие, наиболее заостренные моменты проявляющейся жизни и борьбы» [8: 327].

Матвей Кельдов не вписался в свое время, однако именно его взгляды, идущие вразрез с нормативными стереотипами его эпохи, послужили стимулом развития подлинной художественной культуры удмуртского народа.

* * * * *

1. Нош ик критика но ВУАРП сярсь (Снова о критике и ВУАРП) / Кельд Чужайнен, М. Баженова, Ал. Эрик, Лади Мики, Иг. Айшон, Шмаки Тими // Гудыри (Гром). – 1930. – 1 января.
2. Шкляев А. Чашьем нимьёс: Репрессия улэ шедем писательёс сярсь. Соослэн кылбурьёссы, веросьёссы, пьесаоссы, статьяоссы (Убиенные имена: Об удмуртских репрессированных писателях. Их стихи, рассказы, пьесы, статьи). – Ижевск: Удмуртия, 1995. – 448 с.
3. Кельдов М. Валаз (Понял) // Гудыри (Гром). – 1926. – 20 июня.
4. Грякалова Н.Ю. Борис Пильняк. Антиномии мира и творчества // Пути и миражи русской культуры: Сборник. – СПб.: Северо-Запад, 1994. – С. 264 – 282.
5. Кельдов М. Кристосэз вузась (Христопродавец) // Гудыри (Гром). – 1929. – 15 сентября.
6. Исьпан-пи. Бур пала кыскись верос («Кристосэз вузась» нимо верос сярсь) (Правоуклонистский рассказ (О рассказе «Христопродавец»)) // Гудыри (Гром). – 1929. – 22 сентября.
7. Интерн. Бегентыловщиналы пумит (Против Бегентыловщины) // Гудыри (Гром). – 1929. – 19, 20 декабря.
8. Герд Кузебай. Вотяцкая литература // К.Герд. Собрание сочинений: В шести томах. – Т. 4. – Ижевск: Удмуртия, 2004. – С. 318 – 340.

**ARTISTIC PORTRAYAL OF NATIONAL REALITY IN THE UDMURT
LITERATURE OF 1920S-1930S IN THE GENRE OF A STORY
(BASED ON THE STORIES BY MATVEY KELDOV)**

S.T.Arekeyeva

The article discusses the artistic portrayal of ethnic and national reality in Matvey Keldov's stories. The stories have not been researched up to the present. Due to the author's specific view on the epoch and human behavior, which differed from the normative stereotypes of those times, the works by M.Keldov were not understood and approved by his contemporaries. The writer was criticized for depicting "the people of the past" who were interpreted at that time as "socially unaccepted".

Key words: Udmurt prose literature of 1920-1930s, story, problems raised in literature, genre, character, conflict, ethnic and national world.

* * * * *

Арекеева Светлана Тимофеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры удмуртской литературы и литературы народов России ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет».

E-mail: sveta.arekeeva@gmail.com

Поступила в редакцию 04.09.2012